

О школьной поездке на Беломороканал, Союзе воинствующих безбожников и убийстве Кирова

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1476>

29 октября 2012

Собеседник

Влодавец Игорь Николаевич

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 29 октября 2012 и опубликована 20 мая 2013.

Введение

Вторая беседа с химиком-аналитиком Игорем Николаевичем Влодавцем посвящена воспоминаниям о работе отца в Минералогическом музее, о ленинградском быте 1920-х—1930-х годов, первом знакомстве с химией и переезде Академии в Москву в 1934 году. Он рассказывает о первом знакомстве с химией через будущего академика Н.В. Белова и стремительном юношеском увлечении химическими опытами, о том, как его представили академиком А.Е. Ферсману и В.И. Вернадскому. Интересны рассказы о награждении за отличную учебу поездкой на Беломоро-Балтийский канал или о вступлении в Союз воинствующих безбожников, что, впрочем, не мешало теплоте общения с крестной и крестным. Игорь Николаевич подробно описывает и свои детские увлечения «девочками с первой парты». Семья Влодавца переехала вместе с Академией наук из Ленинграда в Москву сразу после убийства Кирова (на которое Гарик Влодавец отозвался стихотворением), и рассказчик вспоминает о том, как к этому событию отнеслось научное сообщество. Беседу завершает рассказ о московской школе и опасном по тому времени кружке «эффиопов».

Николай Александрович Формозов: По прошлому вашему рассказу один вопрос у меня очень короткий: современному человеку совершенно непонятно, как мама может при помощи удостоверения защищать сына, и я хотел уточнить: это почему происходило — дети вас третировали как-то в связи с происхождением или почему? Что имелось в виду?

Игорь Николаевич Влодавец: Наш дом стоял на перекрестке, там было три улицы: Большая Зеленина, в Ленинграде, на Петроградской стороне, с другой стороны — параллельная улица Колпинская и соединяющая их третья сторона, — переулок, по-моему, он назывался... Я уже забыл, как он назывался. Ну и я на санках по этой самой Колпинской улице катался, а считалось, что Колпинская улица с нашим домом враждует. Ну, мальчишки... Сколько мне там лет было, лет восемь или девять. И эти мальчишки на меня напали там, куча мальчишек, пытались отобрать санки. Но тут, на мое счастье, мимо проходила мама, которая этих мальчишек разогнала, и этим самым мандатом потрясала.

Н.Ф.: (смеясь) Да, это интересно.

И.В.: Где-то это самое удостоверение у меня хранится. Я вчера как раз разобрал свои залежи.

Н.Ф.: Это очень ценно, конечно, потому что если найдется, мы его обязательно отсканируем как важный экспонат, поместим...

И.В.: Это понятно... Я тут нашел что-то такое, чтобы вам показать. В Ленинграде я знаком был немножко с детьми профессора Серебровского. Знали такого?

Н.Ф.: Да, я его лично не знал, но это очень известный завкафедрой генетики.

И.В.: Его дочь, она была маминой ученицей, в школе у нее училась. У нее были литературные способности, я знаю, что она стихи писала и потом стала журналисткой, по-моему. Она, по-моему, еще недавно была жива.

Н.Ф.: Да, это интересно.

И.В.: Был у нее еще брат, Юра Серебровский. Все мы в шахматы играли, он был на класс старше меня.

Н.Ф.: То есть он, значит, 19-го года рождения?

И.В.: Наверное, а может, и на один больше.

Научная деятельность отца. Встреча с Вернадским

Н.Ф.: Вот, а второй вопрос такой более общий и важный очень: как я понял, Ферсман не был соавтором статьи вашего отца? Важная статья вашего отца, за которую потом он, через двадцать семь лет, получил Ленинскую премию.

И.В.: Он не за статью получил.

Н.Ф.: Но вы послали эту статью, как доказательство...

И.В.: Да, чтобы напомнить. Где-то она у меня есть, эта статья. Я все сканировал, естественно, но диски надо было, конечно, привести в порядок, и сейчас мне нужно некоторое время, чтобы разыскать их. Что нужно, чего не нужно — я сейчас это затрудняюсь, но это все можно найти.

Н.Ф.: Но это статья только вашего отца, там он один автор, да?

И.В.: Да, но это, представляете, это газета такая была общедоступная или, может быть, даже интервью.

Н.Ф.: А у него были какие-то публикации научные?

И.В.: Конечно.

Н.Ф.: А они шли за его одной фамилией или вместе с Ферсманом?

И.В.: Разные были. Но он всегда, когда его уже как лауреата Ленинской премии интервьюировали корреспонденты, то он всегда подчеркивал, что эту работу он выполнял по прямому поручению Ферсмана. Ферсман, как известно, еще до революции занимался отысканием... между делом своим (он все-таки был минералог и геохимик), но и практическое приложение... он понимал, что в эпоху, когда авиация начинает, так сказать, везде доминировать, нужен «крылатый металл» — алюминий. Пробовали искать и другие — бериллий, например; вот Кузьма Алексеевич Власов, он был, по-моему, сотрудник президиума Академии наук и был директор этой отдельной лаборатории геохимии, минералогии и еще чего-то — редких элементов. Мой отец, кроме алюминия работал потом еще над галлием и индием, все одной группы периодической системы, работал с сотрудниками. У него были публикации, он очень экономно, так сказать, печатал, у него статей было всего, наверное, несколько десятков. Ну и потом — не все же надо было публиковать.

Н.Ф.: То есть была секретная тематика какая-то?

И.В.: Ну, одна статья есть у него, была, я помню, которую почему-то я редактировал, ему помогал. (*Усмехается.*) Это была «Отделение тория от редких земель танином». Вот так вот, что-то такое. Он был членом редакционного совета «Журнала аналитической химии» и в аналитике был хорошо известен. Диссертации он никогда не защищал, ученую степень кандидата геолого-минералогических наук ему без защиты присудили, когда эти степени и звания ввели, также звание старшего научного сотрудника. Ну и он этим удовлетворялся; мне он говорил: «Защищай докторскую диссертацию до тридцать пяти лет».

Н.Ф.: Это я помню, этот рассказ. А вы были знакомы с Ферсманом?

И.В.: Ну как же не был знаком? Я редко довольно с ним встречался... Ну, как сказать? Во-первых, когда мы жили еще в Петергофе, то Ферсман вместе со своими сотрудниками тоже приезжал туда. Ему уже поручили курировать Петергофскую гранильную фабрику. Представляете: Петергоф, летняя царская резиденция, и вот тут же гранильная фабрика, фабрика, которая занимается огранкой и вообще обработкой цветных и драгоценных минералов, драгоценных камней. Кому поручить, так сказать, надзор? Вот и поручили минералогу Ферсману. И Ферсман устроил Николая Ивановича, моего отца, помощником директора или заместителем директора, а директор был художник, архитектор Сергей Александрович Транцеев. Фотографии этих людей у меня есть, есть фотография даже массовая всего коллектива гранильной фабрики.

Н.Ф.: Да, это очень здорово. А какое на вас впечатление производил Ферсман?

И.В.: Какое впечатление?.. Ну как какое...

Н.Ф.: Ну, вы были маленьким еще, ребенком фактически...

И.В.: Он был такой добродушный, общительный человек, улыбался, но я почему-то запомнил, что когда приехал Вернадский из-за границы (это уже было в Ленинграде, естественно; мне уже было лет восемь, наверное, нет, может быть, даже больше)...

Н.Ф.: Ну, это легко восстановить, сейчас дневники Вернадского опубликованы.

И.В.: Да. Отец меня решил привести: то ли меня показать Вернадскому, то ли Вернадского показать мне (*смеется*), чтоб я запомнил и потом хвастался, что я живого Вернадского видел, но он привез меня в свою лабораторию и первым делом показал меня Ферсману и объяснил, что вот, это мой сын, он читает вашу «Занимательную минералогию». Ферсман улыбнулся, поглядел на меня как-то, поздоровался, добродушный такой... Ну и, как мне показалось, когда он на меня поглядел, то у него какая-то грусть мелькнула в лице. Он, по-видимому, вспомнил, что ведь это он пожертвовал пеленки своего покойного сына — у него сын умер в детском возрасте; это был его первый брак и брак, говорят, неудачный, я уже даже забыл, как звали его первую жену. Вторую жену, она была сначала его секретаршей, Екатерина Матвеевна Ферсман, все знали, знают и сейчас еще помнят живые; но больше детей у него не было.

А Алик Ферсман, он умер, по-моему, в 1911 году. И когда у Николая Ивановича Влодавца появился я на свет, то оказалось, что плохо дело с пленками, мне пленок очень много требовалось, достать их негде было. Ленинград был... ну, тогда блокады, может, и не было, но было еще хуже, наверное, потому что было плохо с продовольствием, было плохо с топливом и плохо с промтоварами. И тогда Ферсман пожертвовал пленки своего сына мне, за что я ему, конечно, благодарен. Я тогда не знал, не спрашивал...

Н.Ф. (смеясь): Но вы этого не могли помнить, увы!

И.В.: Я это не мог помнить, но Ферсман мог это помнить. И когда он увидел, что вот мальчик, который вырос в пленках его сына, то он с грустью вспомнил своего сына.

Н.Ф.: Да, это очень может быть.

И.В.: А после этого меня отец провел в кабинет Вернадского и показал ему меня, представил.

” Вернадский был чем-то занят, я понял, это был очень серьезный человек, и что я ему как таковой, в общем, не очень нужен в данный момент. Поэтому меня только показали на несколько минут и оттуда потом выставили.

Н.Ф.: А Вернадский был связан с этой лабораторией, в которой работал ваш отец?

И.В.: Да. Он создатель этой лаборатории.

Н.Ф.: А Ферсман ее курировал?

И.В.: Ну когда Вернадский уехал за границу (это уже при Советской власти), то лабораторией этой заведовал Ферсман. Лаборатория называлась, по-моему, геохимии. Она потом меняла название много раз, но это все одна и та же была. И потом, в конце 34-го года лаборатория Ферсмана была переведена в Москву. Она вошла, по-моему, в состав Геологического института или как-то еще, на Старомонетном переулке, там было такое здание.

Н.Ф.: А интересно, у вас есть список публикаций вашего отца?

И.В.: Да, есть, где-то есть.

Н.Ф.: Потому что интересно, конечно, соотношение подчиненного и лидера научного направления. Какие статьи все-таки выходили у них в соавторстве с Ферсманом, а какие публиковал только ваш отец, потому что идея была все-таки, как я понял, Ферсмана?

И.В.: Да.

Н.Ф.: А нашел это месторождение, разработал эту тематику, создал это направление — тоже он? Ну и Вернадский тоже создал лабораторию. И тут очень интересно: как вообще такие вопросы решались в те времена, когда наука была на взлете, русская и советская наука?

И.В.: Точных не было, по-моему, никаких правил, тем более что никто вообще не знал, по каким правилам теперь нужно работать, поэтому все решалось, так сказать, по согласию. Но я знаю, что монография, книжка была издана совместно: Ферсман и Влодавец, «Петергофская гранильная фабрика в ее прошлом, настоящем и будущем». Где-то она у меня тут лежит.

Н.Ф.: Ну да, это такое издание скорее не научное, а в большей степени какое-то...

И.В.: Конечно, конечно. К сожалению, так получилось, что отец мой стал работать в КЕПСе — Комиссии по изучению естественных производительных сил, а что этой комиссии было делать? Они стали выпускать вот такие обзорные статьи по отдельным минералам. Эти статьи чаще всего писал только один Влодавец.

Об этапах жизни

Н.Ф.: Это все понятно, интересно. Но давайте теперь перейдем к тому, что вы хотели рассказать, резюме вашей жизни.

И.В.: А, резюме моей жизни. Ну вот, начало — это Петергоф. Петергоф вошел в мою биографию довольно прочно, я потом бывал там много раз уже после того, как мы уехали оттуда, но вот, свою маму я подвел тем, что в своей анонимной тетрадке я написал, полностью описал и даже изобразил какими-то рисунками, как мы на Пасху ходим в церковь, как святым куличи и пасхи и участвуем в крестном ходе, наивно полагая, что если я написал, что мы ездим на Пасху к бабушке в Петергоф, то никто не догадается, что это именно Игорь Влодавец, ученик, тогда я был, наверное, уже третьего класса. Петергоф — это мой первый этап жизни. Я считаю, что главное — это именно по месту жительства и месту основной деятельности.

Следующим этапом было освоение Петрограда. В конце 1923 года мы переселились в Петроград на эту Большую Зеленину улицу. У меня где-то была фотография этого дома: дом 7/20, большой, шестиэтажный, и у нас была квартира 24, по-моему, на шестом этаже этого дома. Это были мансарды, и там было очень холодно, центрального отопления в доме не было.

Н.Ф.: Но буржуйки можно было ставить, наверное?

И.В.: Нет, там были печи, печи такие капитальные.

Н.Ф.: Даже в мансардах?

И.В.: Даже в мансардах, и дворник Захар за особую плату, наверное, он со склада носил вязанки дров, поднимался пешком на шестой этаж, и так обеспечивал... Первое — это дошкольное. Тут один интересный момент, важный для дальнейшего, как ни странно. Помимо того, что я обучался... вот приезд бабушки.

” Бабушка частично, зимой в особенности, жила у нас на квартире — квартира была большая, было там чуть ли не четыре или пять комнат, холодная, поскольку дров не напасешься на эти комнаты-мансарды.

Ну, представляете: дощатые перегородки от крыши отделяют, по крыше можно изнутри рукой постучать было. Я помню, с шестого этажа в окошко глядел, и мне особенно запомнилось в декабре двадцать четвертого года, когда хоронили Ленина, то в Ленинграде тоже гудки были заводские, и я в окно пытался разглядеть, откуда эти гудки. Там был вид только на... большой пустырь. В голодное время гражданской войны жители Петрограда там огороды разводили, а после того, как гражданская война окончилась, там сквер на их месте... Потом там была позже станция метро как раз выстроена, а сейчас какое-то здоровенное сооружение, я просто где-то случайно видел на одном из интернетовских планов Ленинграда, Петербурга снова теперь, там какое-то здание здоровенное, я даже не понимаю, что это такое. Но я давно уже не был в Ленинграде, хотя в свое время и в командировки приходилось ездить туда, и по окрестностям тоже ходил, гулял... Но в Петрограде, кроме бабушкиного обучения, которое привело к тому, что я пристрастился к чтению и читал все подряд, мой отец удивлялся и подсмеивался: «Ты, — говорит, — как гоголевский Петрушка, чичиковский Петрушка, который все читает подряд». И я тоже все читал подряд, что мне под руку попадалось. Моим чтением руководила моя крестная мама — есть такая деталь, меня не спросили, но когда в Петергофе решили, что меня надо крестить, то крестная мама была мамина приятельница, Мария Константиновна... Она была сотрудницей публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Н.Ф.: И как ее фамилия была?

И.В.: Зиновьева. По-видимому, это не известного партийного деятеля (это его псевдоним, по-моему, был).

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Но я знаю, что у нее был брат, который тоже читал, во всяком случае, «Искру». Я не знаю, куда делся ее брат, о судьбе его неизвестно, но мне она говорила — у нее был шахматный столик — она говорила, что это шахматный столик ее брата, и там был тайник, в котором на очень тонкой бумаге лежали номера издававшейся подпольно ленинской «Искры». И она мне их давала читать, я все читал тогда.

Н.Ф.: Но это уже старые номера?

Ольга Станиславовна Влодавец (урожденная Стржалковская) с сыном Игорем

И.В.: Ну, конечно, старые, датированные примерно девятьсот пятым годом или еще что-то такое в этом духе. Мария Константиновна тоже жила на Петроградской стороне. Их было две подруги, общая квартира у них была. Ее подруга была Ида Богдановна Разумовская, она преподавательницей была. Ну, мы иногда останавливались, даже когда я уже был вполне взрослый, в командировки ездил, то часто в этой квартире. Она была возле Ситного рынка — это тоже на Петроградской стороне. Крестным отцом у меня был, что тоже любопытно, Владимир Ильич Крыжановский, ученый, хранитель Минералогического музея Академии наук. Потом он был, по-моему, и директором одно время или так и остался ученым хранителем, но, одним словом, он фактически научный руководитель Минералогического музея был. Он помнил это очень долго, и когда я вернулся из плена, то первым делом снова увидел своего крестного отца, хотя я давно уже был членом Союза воинствующих безбожников и убежденным атеистом. Но к своим обязанностям крестного отца Владимир Ильич относился очень свято: он интересовался моей судьбой и как-то направлял меня.

Н.Ф.: Вы его раньше увидели, чем родителей?

И.В.: Нет, не раньше, не раньше.

Н.Ф.: Но вскоре?

И.В.: Вскоре, после того как я приехал, он сразу начал к нам приезжать и беседовать со мной тоже.

Н.Ф.: Вы хотели сказать, что важным этапом были крестные, которые принимали в вас участие? Вот это вы хотели сказать, да?

И.В.: Да. Марьяна Петровна, которая очень всегда возмущается моим...

Н.Ф.: Атеизмом.

И.В.: ...атеизмом, она как-то страшно удивилась, когда узнала, что я был крещен и что у меня крестные отец и крестная мать были. А когда она жила раньше на Ленинском проспекте в доме, в этом же доме жила и семья Крыжановских, ну и, в частности, дочка Барсанова. Барсанов был директором Минералогического музея, он был зять Владимира Ильича Крыжановского.

Н.Ф.: Московского минералогического музея?

И.В.: Московского минералогического музея уже, да.

Н.Ф.: А кем был Крыжановский в Петрограде, какая его была роль?

И.В.: Вот он так и назывался — ученый хранитель.

Н.Ф.: А! Музей переехал.

И.В.: Музей переехал вместе с Академией наук.

Н.Ф.: Я этого не знал.

И.В.: Ну, у меня все эти материалы можно даже документально найти. Я это к тому, что у меня были контакты с учеными, настоящими учеными, когда я еще был совсем вроде как маленьким, и это, наверное, как-то сказывается на биографии рано или поздно.

В этой мансарде Николай Иванович приютил еще своего приятеля — Николая Васильевича Белова, с которым они вместе, по-моему, учились в Седлице, в Седлицкой гимназии. Николай Васильевич, он тоже был родом из Обруча, и его отец тоже был священник, поэтому это как-то их сблизило, и они всю жизнь дружили. И мой отец ... и Белов тоже Политехнический институт, по-моему, кончал, тоже был химиком, и после окончания института работал главным химиком Кожтреста в Ленинграде. Но, зная его научные наклонности, мой отец познакомил его с Ферсманом, и Ферсман тоже включил его в свой коллектив. Впоследствии Белов был избран действительным членом Академии наук, но по отделению физики — он вместе с Шубниковым возглавлял Институт кристаллографии Академии наук. Но тогда люди, которые приезжали в Петергоф, многие из них потом становились руководителями, и в Петрограде тоже, конечно, поддерживали контакты, потому что дальше тут нужно было сесть на трамвай, проехать на Васильевский остров и там вся Академия наук тогда была.

Но, кроме этого, мать, моя мама, Ольга Станиславовна, решила по всем правилам меня и дошкольным воспитанием, и образованием обучить. Вместе со своей знакомой (ее фамилия Малюкова, а как ее звать, я уже позабыл, знаю, что у нее дочка Танечка была), когда мне было лет пять, они организовали такую группу частную и наняли преподавательницу немецкого языка, какую-то немку — ее звали по-русски Марья Федоровна, и она нас водила гулять, мы играли под ее присмотром в квартире у Малюковых на Гатчинской улице в Ленинграде. Там было несколько человек нас, такая группа, и Марья Федоровна нас обучала немецкому языку.

Родители, мой отец, в особенности, считал, что нужно изучать языки. Сам он, по-моему, немецкий

и французский в гимназии учил, но ощущал нехватку английского, поэтому по самоучителям и как-то еще обучался английскому языку, ну и он даже переводы какие-то, по-моему, публиковал с английского. Но Марья Федоровна обучала нас немецкому языку, и я к тому времени уже довольно прилично читал по-русски, довольно грамотно писал, хотя и некрасиво, за что меня мама бранила и воевала со мной так же, как Маргарита Леонидовна сейчас со своим Витей воюет. Когда примерно я был во втором классе, заставляла меня всякие палочки писать, чтобы отработать почерк. Мне это казалось бессмысленным занятием, потому что к этому времени я уже увлекся астрономией, как ни странно. За моим чтением наблюдала моя крестная мама, Мария Константиновна Зиновьева, у которой были возможности следить за всей мировой литературой детской. Она меня вывела и на Диккенса, и на кого-то еще, я уж не помню... «Оливер Твист» и так далее, ну, и Жюль Верн.

Н.Ф.: Конечно.

И.В.: А Марья Федоровна, увидев, что я читать-писать вроде как умею по-русски, стала учить меня читать-писать по-немецки. И вот в пять лет я научился не только читать, причем обучала она меня по старинке готическому шрифту, фрактуре... Ну, знаете, сейчас даже немцы перешли на латиницу, так сказать, округлую, а в те времена они старались писать фразатурой, так называемым готическим шрифтом. Больше того, она меня научила писать готическим шрифтом. Например, буква «E» изображается так: две вертикальные палочки близко вот так и с хвостиком таким, буква «R» там тоже вот так вот, потом вот так вот... Я это все знал. Они непохожи на обычные начертания латинских букв, но немцы привыкли вот так писать, в те времена, по крайней мере. И я это все освоил. Но это примерно когда мне пять лет было.

Потом решили, уж не знаю, по каким причинам, но, в общем, перестал я посещать эту группу, меня отдали в настоящий детский сад. Я побывал в детском саду на проспекте Карла Либкнехта, тогда Большом проспекте Петроградской стороны, это, по-моему, детский сад № 25. Там, конечно, были очень хорошие игрушки, какие-то здоровенные деревянные кирпичи, из которых можно было сооружать разные вещи, но я уже считался там старшим дитем; вот когда мне было шесть лет, я, в основном, в этом детском саду обучался. Тогда отработывали умение читать-писать; с «читать» у меня было все хорошо, а писать можно было карандашом, и карандашом я хорошо писал по-русски. А вот когда поступил в школу, там пришлось уже писать чернилами, восемьдесят шестым пером, и тут это у меня получалось неважно, и вот тут уже у меня с мамой драмы были такие же, как у моего правнука со своей мамой сейчас. Это уже был второй класс.

Ну а потом все как-то прошло благополучно. Учился я очень прилично... Что еще можно сказать? В 192-й школе, по-моему, главные предметы были, допустим, музыка, или пение. Преподавательница музыкального образования, она нас на полном серьезе обучала, знакомила с историей музыки, всех великих композиторов, отрывки играла на фортепиано нам, рассказывала разные истории про Моцарта, про Бетховена, про Шопена и т.д. Физкультурой мы занимались... Ну, там предметы разные были.

Первое мое знакомство, так сказать, серьезное с девочками началось уже с первого класса. Первый был такой приказ: одна девочка, ее звали Галя Булгакова, жила на Барочной улице, это было довольно далеко. <...>

О девочках

Н.Ф.: Итак, вы говорили о чтении и роли ваших воспитателей, что это были не только родители, а вот Марья Федоровна и Мария Константиновна...

И.В.: Да, о девочках. Я не знаю, нужно ли это говорить...

Н.Ф.: Да, конечно, нужно, это очень интересно.

И.В.: Когда я первый раз пошел в школу, то меня предупредили: «Вот, в вашем первом классе будет

учиться такая Галя Булгакова (вероятно, просто однофамилица известного писателя), которая живет на Барочной улице. На Барочную улицу можно попасть, пройдя всю Большую Зеленину до конца, и дальше от нее идет эта Барочная улица. Ты единственный ученик, который живет на Большой Зелениной, поэтому, когда ты будешь возвращаться после уроков домой, то обязательно иди и проводи Галю Булгакову, проводи ее хотя бы до Большой Зелениной улицы, дальше она сама дорогу знает». Так что я должен был ее...

Н.Ф.: Это в первом классе?

И.В.: В первом классе. Я не был знаком с Галей Булгаковой, но приказ есть приказ!

После уроков я подошел к этой Гале Булгаковой, объяснил: «Мне поручили провожать тебя, пойдем вместе по дороге до Большой Зелениной».

И мы с ней прошли от проспекта Карла Либкнехта, от Широкой улицы (тогда она так называлась, потом ее улицей Ленина назвали) по переулкам, мимо Дерябкиного рынка, ну и подошли к Большой Зелениной. Уж не помню, я, как джентльмен, старался, пытался с ней разговаривать, с этой Галей Булгаковой, и вроде как все у нас нормально... дружеские отношения развивались. Но потом, мы подходили уже к Большой Зелениной, по переулку шли, Галя насторожилась и вдруг закричала: «Я боюсь! Я боюсь!». Недалеко перед нами возникла фигура старьевщика (тогда были такие старьевщики, которые ходили по дворам и собирали всякое старье).

Н.Ф.: Да-да! «Старье — берьем!» — они кричали.

И.В.: Совершенно верно. Этот старьевщик с мешком за плечом мрачно изучал какую-то старую пару калош, которые валялись прямо на тротуаре (кто-то выбросил их) и, видимо, размышлял на тему о том, можно ли... следует ли их тоже в мешок класть или они уже куда не годятся, даже в качестве утильсырья. И, значит, он это внимательно рассматривал, на нас никакого внимания не обращал, но при этом он как-то очень неуверенно шагал, а Галя тут же закричала: «Он пьяный! Он пьяный!». По-видимому, ей дома давали строгий приказ: «Берегись больше всего, как бы тебя пьяные не обидели». В общем, наверное, приказ был разумный. Что касается меня, то я очень удивился — старьевщик этот на нас никакого внимания не обращал, но нам нужно было пройти мимо него. Ну, и я очень удивился, сказал: «Какая ты трусиха, оказывается!» — но Галя меня не стала слушать, она немедленно бросилась бежать и убежала, она просто от меня убежала, пробежала мимо этого старьевщика, а мне оставалось только дойти всего несколько десятков метров до моего дома. Я так и расстался со своей подопечной, и меня как-то покорило это. На следующий день я при встрече сказал, что, дескать, как же ты от меня убежала, я бы мог тебя даже и до Барочной улицы проводить, но она сказала, что, дескать, мне такой провожатый не нужен. На этом и прекратилось это все. Но эта история в памяти у меня осталась. Галя была действительно очень симпатичная девочка, и я, наверное, влюбился вообще-то, в первый раз, но, конечно, никакого ухаживания с моей стороны не было.

Поступив в школу, я сразу понял, что с девочками общаться — это признак плохого тона, мальчишки меня сразу будут бабником звать, перестанут со мной дружить.

Но с тех пор у меня было такое правило. Эта Галя Булгакова сидела на первой средней парте, прямо рядом с учителем. <...> Это я к тому, что потом, когда я интересовался девочками в других школах и других классах, то обычно именно та девочка меня интересовала, которая сидела на первой парте! (*Смеется.*) Интерес этот я хранил про себя больше, конечно, никаких прогулок с Галей Булгаковой у меня не было, хотя я на всю жизнь запомнил эту мою первую и единственную прогулку. Где-то у меня была коллективная

фотография наших классов. Наивно было думать, что у меня одного эта Галя Булгакова оставила такие впечатления. У нас был в классе знаменитость — Колька Богданов, отчаянный хулиган; он и на фотографии класса с каким-то кинжалом на боку.

Н.Ф.: Ему позволили так фотографироваться в школе?

И.В.: Позволили так фотографироваться.

Н.Ф.: С настоящим кинжалом?

И.В.: По-моему, бутафорским.

"А где же птичка?" Игорь Влодавец в детстве

Н.Ф. (улыбаясь): Вряд ли ему позволяли холодное оружие носить в школу.

И.В.: Ему ничего не позволяли, но он все делал сам. Он был отпетый хулиган. И он прославился тем... В то время снимали кинофильм «Путевка в жизнь», это был первый, кажется, звуковой кинофильм, посвященный как раз беспризорникам и бывшим беспризорникам и их возвращению к жизни. Хотя, в основном, там, по-моему, московские учреждения демонстрировались, но все-таки это ленинградский кинофильм, «Ленфильм», по-моему, снимал. И вот нашли в качестве актера этого Кольку Богданова, и он снимался в «Путевке в жизнь».

Н.Ф.: И кого же он играл? Роль Жигана?

И.В.: Я не помню, кого он играл, но важно то, что он играл, в кинофильме участвовал.

Н.Ф.: Ему не надо было перевоплощаться.

И.В.: Не надо было перевоплощаться. Но он вел себя очень независимо и однажды поразил меня в самое сердце, когда он с учительницей пререкаться начал; а поразил он меня тем, что он, значит, начал говорить: «Вот, вы ставите хорошую оценку Булгаковой не потому, что она хорошо отвечает, а потому что она самая красивая девочка в классе!» (*Смеются.*) Тоже был такой знаток. Тут я понял, что, значит, все правильно.

В этом классе я проучился до третьего класса, а в третьем классе меня мать решила перевести в свою 75-ю школу, она находилась как раз возле кинотеатра «Великан», на улице Воскова, близко от Ситного рынка, близко от Успенской церкви, ну и мать решила, что все-таки лучше, когда сын под присмотром непосредственным находится.

Перед этим был такой эпизод еще. Меня, как и многих ленинградских детей, врачи направили в физиотерапевтический кабинет. Он находился на Гатчинской улице, и там были так называемые «горные солнца» — кварцевые лампы. Мы должны были приходить туда и голиком ложились на топчаны, и нас облучали ультрафиолетовыми лампами. Считалось, что это очень полезно — загорать.

Н.Ф.: Конечно, витамин D против рахита.

И.В.: Ну да. На самом деле, сейчас считают, по-моему, что злоупотреблять очень этими кварцевыми лампами не следует, но тогда старались... считали, что чем больше, тем лучше. Ну и я должен был, не помню уж как, кажется, после школы ходить. Почему-то мне фамилия Турнера... Вот как-то так называлось это заведение по фамилии организатора или уж не знаю кого...

Н.Ф.: Может, до революции так называлась клиника.

И.В.: Знаю, что когда Ребиндеры жили в Петербурге, то они жили на Невском проспекте и в этом же доме тоже помещалось какое-то физиотерапевтическое заведение. Это Невский проспект, дом 10 был. А это на Гатчинской улице, и туда ребята со всей Петроградской стороны ходили.

И вот однажды я там познакомился с таким занятным Сережей Соколовым. Это был такой мальчик, который очень любил обращать на себя внимание и который всякими штуками и фокусами владел.

” Он тогда всех поражал, что умел танцевать чечетку, он даже ходил так, припрыгивая, чечеточным шагом, веселил всех сестер в этом самом физиотерапевтическом центре, но охотно знакомился и с ребятами.

Он тоже учился, как и я тогда, во втором, а может быть, уже и в третьем классе, ну и со мной начал делиться своими всякими впечатлениями и стал рассказывать о том, что он познакомился с замечательной девочкой Ирой Суховой, которая живет тут недалеко на проспекте Карла Либкнехта, а учимся мы с ней в одном классе. Она такая умная девочка, она стихи умеет писать, ну и много всякого такого. Я понял, что он влюблен в эту Ирочку Сухову. Но получилось так, что когда мать перевела меня в свою школу, то я оказался как раз в классе, в котором этот Сережка Соколов учился. У него были такие склонности: он потом действительно, по-моему, профессионально работал затейником, «два притопа, три прихлопа» и так далее, вот таким организатором массовых развлечений. Ну и в этом классе я познакомился с Ирочкой Суховой тоже.

Ирочка Сухова действительно была очень ученая девочка, и она тоже сидела на первой парте (*смеется*) перед учительницей, поэтому, как говорил Пушкин, «мы знаем, вечная любовь едва продлится две недели». Вечная любовь к Гале Булгаковой у меня закончилась, и началась вечная любовь, совершенно секретная, потому что Сережа Соколов явно был влюблен, и он мне об этом сознался.

Он приходил ко мне домой, у нас был дома телефон, он звонил Ирочке Суховой и диктовал ей любовные послания с помощью азбуки Морзе, «точка-тире-точка». Тогда на обложках тетрадок, которые выпускала фабрика «Светоч», печаталась полностью азбука Морзе. Ну и для того, чтобы запоминать это, он, видимо, передавал по телефону: «Точка-тире-точка-тире-три точки» и так далее. Таким образом, там что-то было такое: «Ира, я тебя люблю», что-нибудь в этом духе. И потом просил: «Передай ответ мне по телефону», а я с замиранием сердца прислушивался к этим переговорам, и волновался, и с трепетом ждал, что же ответит Ирочка. Но Ирочка скоро ответила: «Мне мама сказала, что нам еще рано заниматься такими вещами».

Н.Ф.: Азбукой Морзе тоже?

И.В.: Нет, очевидно, она содержанием этой записки заинтересовалась все-таки, что уже с помощью азбуки Морзе — это для секретности. Но это был уже конец третьего класса. Это меня немножко успокоило и ободрило, и с тех пор главная девочка, которая меня интересовала, конечно, я это давно понял и хранил в секрете, никаких объяснений с моей стороны не было, но практически... интерес к этой девочке у меня сохранился надолго, в, так сказать, неактивном варианте это может сколько угодно продолжаться, в отличие от пушкинских рекомендаций.

Ну, правда, меня и другие девочки тоже интересовали, которые сидели уже не на первой парте, она, по-моему, на третьей парте сидела, Гедда Лифшиц. Кстати, Ирочка Сухова, ее мать звали, по-моему, Ольга Моисеевна, и она, по-моему, еврейского происхождения была, несмотря на русскую фамилию. А вот Гедда Лифшиц была еврейка явная, но она меня покорила тем, что в третьем классе мы уже трехзначные числа складывать должны были, и она в уме очень свободно оперировала этими трехзначными цифрами, лучше всех считала. Потом, когда мы уже были в шестом классе, к нам на квартиру приехала родственница дальняя, моя троюродная сестра, Ирина Свидерская, которая была старше меня, но училась тогда тоже в шестом классе. Она жила и училась в городе Остер — это приток Днепра есть такой, в общем, провинциальный городок, и родители упростили Николая Ивановича, пусть она поучится в Ленинграде все-таки, дескать там образование получит. И вот эта Ира Свидерская (ее тоже звали Ира, как и мою сестру), она стала учиться вместе со мной. И Гедда Лифшиц тоже с ней познакомилась, и они вроде считались приятельницами, и Гедда Лифшиц, она часто приходила к нам домой, познакомилась со всем нашим семейством.

Почему-то родители решили, что недостаточно мне школьного немецкого языка и я должен был дополнительные занятия с Эльзой Викторовной проводить, у нее на дому, и Ире Свидерской тоже туда назначили, ну и естественно Гедде Лифшиц, так что группа организовалась. Мы свои познания в немецком языке старались как-то улучшить.

Н.Ф.: А когда родилась ваша сестра?

И.В.: Моя сестра родилась 20 апреля 1923 года.

Н.Ф.: То есть у вас три года разницы?

И.В.: Три года разницы, да.

Н.Ф.: Это, конечно, большая разница в детстве... Она для вас была очень мала, и поэтому она не фигурирует в ваших рассказах.

И.В.: Да, о сестре, конечно, нужно особо рассказывать, сестра у меня замечательная была. Она отличалась необыкновенной... я бы сказал, смелостью, инициативой, в общем, многими такими качествами, которых мне не доставало.

Н.Ф.: Я прервал ваш рассказ, быть может, вы продолжите свой рассказ, а потом мы вернемся как-нибудь к сестре.

И.В.: Да, о ней нужно, наверное, отдельно говорить. (Пауза)

Н.Ф.: (напоминает) Немецкий с Гердой Лифшиц...

И.В.: Геддой.

Н.Ф.: Геддой?

И.В.: Я не знаю, почему Гедда. Это литературное заимствование, кто-то из писателей скандинавских, у него есть Гедды, но ее звали так: Гедда Абрамовна Лифшиц. Ее мама была в каком-то там родительском комитете нашей школы. Наша школа 75-я, потом ее слили со 194-й, и мы дальше занимались уже в 194-й, она как раз на углу проспекта Карла Либкнехта и улицы Розы Люксембург находилась, эта школа.

Н.Ф.: Вы не устали?

И.В.: Нет, в общем-то, не устал. Я просто думаю, о чем можно сказать. Мне нравились уроки физкультуры, между прочим. У нас в школе преподаватель был такой дядя Коля Смирницкий, Николай (я забыл его отчество) Смирницкий. Он, когда мы были, по-моему, в седьмом классе, водил нас на стадион имени Ленина, это в Ленинграде, тоже на Ватном острове размещался. Я любил ходить на этот стадион, смотреть соревнования всякие. Мы там тоже бегали, нам иногда разрешалось пользоваться беговой дорожкой для упражнений.

О политехнизации школы. Поездка на Беломорканал

Н.Ф.: Мне кажется, ваш рассказ уже приближается к переезду в Москву?

И.В.: Приближается, но перед этим нужно вот еще что сказать любопытное. Успехи моего отца, в части использовании нефелина для получения окиси алюминия и металлического алюминия, тогда уже были отмечены, о них писали в газетах. Идея принадлежит Ферсману, мой отец проверил эту идею, оказалось, что, действительно, все правильно, написал статью о перспективах использования нефелина в качестве сырья для алюминиевой промышленности. Потом туда присоединился вот этот трест «Апатит», поскольку нефелин был отходом при производстве фосфорных удобрений из апатита, и разрабатывал технологию, уже заводскую или полужаводскую, пока что в полужаводском варианте, ГИПХ — Государственный институт прикладной химии, который тоже располагался на Ватном острове, и отец там в качестве консультанта подвизался, в этом ГИПХе. Там была полужаводская установка, весь технологический процесс был там разработан. Но в это время ГИПХ сделали тоже шефом нашей школы, он был, точнее, шефом 194-й школы, и тогда политехнизация проходила, из-за которой моя мама решила бросить школу и перешла в систему фабрично-заводского обучения, там работала уже. А нам в седьмом классе ГИПХ выделил преподавателя (забыл его фамилию), который должен был нас политехнизировать. Был такой предмет — политехнизация, или как-то в этом духе назывался. Но так как ГИПХ был в это время занят как раз разработкой этого самого способа получения окиси алюминия из нефелина, то наш преподаватель обучал нас этому способу, всем деталям технологическим. Хотя он фамилию «Влодавца», конечно, прекрасно знал и был знаком с моим отцом, но я его, по-видимому, чем-то не радовал, потому что, например, на экзамене (там было что-то вроде экзамена в конце) я не знал при какой температуре надо прокалить окись алюминия — готовую — для того, чтобы она утратила гигроскопичность, и поэтому мне четверку поставили вместо пятерки, которую обычно ставили за это.

Н.Ф.: Считали, что раз вы сын Влодавца, вы должны знать все?

И.В.: Да, должен знать все. Ну, это была единственная четверка, по-моему, за седьмой класс, поэтому я все-таки ходил в отличниках. И после окончания седьмого класса меня как отличника премировали; это было на Елагином острове, там Кадацкий, по-моему, председатель был, по-моему, тогда Ленсовета, и он вручал нам какие-то грамоты, а, кроме того, путевка была премией — экскурсия на Беломорско-Балтийский канал. И я получил. Летом в качестве премии я поехал на эту экскурсию. Эта экскурсия начиналась в Ленинграде,

мы ехали дальше на поезде до Медвежьей горы, станция Медвежья гора такая была...

Н.Ф.: Да-да, и сейчас есть.

И.В.: И сейчас есть. И там сейчас город, по-моему, называется Медвежьегорск... Ну и дальше мы там познакомились с сооружениями Беломорско-Балтийского канала, а заканчивалась эта экскурсия — ехали на теплоходе по каналу до порта Сороки, по-моему, это уже на Белом море, там снова пересаживались на поезд и ехали до станции Апатиты, там пересаживались на местный поезд и в Хибиногорск так называемый — это город, который самый центр Хибин, знакомый мне еще с детства, когда дядя Володя, собственно главный открыватель и главный исследователь Хибинских тундр, как я понимаю, он в Петергоф привозил кадры для своего волшебного фонаря.

Они были очень интересные: там лопари были с оленьими упряжками, были фотографии этих гор... Все это я знал. И потом — все это на слуху было!

В Хибиногорске мы были, лазили на гору Большой Вудъявр, по-моему, кажется так. Там водили нас на станцию под названием Киетта, потом на гору Кукисвумчорр поднимались, там познакомились с бремсбергом, который... апатито-нефелиновую породу там добывали и потом на таких... ну, это такое устройство, вроде вертикального конвейера.

Н.Ф.: А какое на вас произвел впечатление Беломорканал? Он был уже открыт, но там, наверное, еще оставались заключенные, да?

И.В.: Да! Да-да. Я помню, первое было такое: из Медвежьей Горы у нас была первая экскурсия на Пиндушскую верфь; Пиндуши — на Онежском озере, и там была верфь, на которой строились специальные суда для Беломорско-Балтийского канала. И нашим экскурсоводом был один тамошний инженер, который нам подробно рассказывал и показывал, как строится... На меня произвело впечатление какое-то судно под названием «Камнеподъем». Это судно, в котором специально было устройство для того, чтобы со дна канала можно было здоровенные валуны, которых в Карелии много, можно было как-то между какими-то там деревянными досками захватывать эти валуны, поднимать их и удалять со дна канала — специальное судно для расчистки канала.

Мы там ходили. Экскурсия была — отличники города Ленинграда и окрестностей, мальчики и девочки, ну, мальчики техникой больше интересовались любопытной, а девочки интересовались людьми.

Помню, какого-то старика нашли, который работал на этой судоверфи, и начали его спрашивать, мол, «дедушка, что ты тут делаешь, как ты сюда попал», он им простодушно объяснял, что «я, дескать, в заключение попал, после того, как меня осудили, отбываю здесь свой срок». Девчонки любопытные и беззастенчивые, они спрашивали: «А за что тебя осудили?», и он тоже простодушно отвечал: «За убийство».

Вот так. Потом девочки с интересом слушали инженера, который был экскурсоводом, и тоже простодушно спрашивали: «Вы как, вольнонаемный или заключенный?», и он отвечал: «Я тоже заключенный» — «А за что вас осудили?», и он тоже простодушно отвечал: «За шпионаж». Вот так в те времена было! (Усмехается.)

Из путешествия по Беломорско-Балтийскому каналу что запомнилось? Ну, такой Надвоицкий водопад, где из одного водохранилища спускали воду, и она водопадом была, и где было месторождение серного

колчедана. Серный колчедан — очень красивые кристаллики золотистого цвета, на золото похожи, и поэтому мы там собирали на память эти самые серноколчедановые камни, и там золото было такое... Ну, не золото, конечно, а кристаллы сернистого железа. И в Хибинах, конечно, апатиты и нефелины, в натуре мы прямо с горы могли с ними познакомиться. Так что я не только знал от отца все эти детали и от дяди, который открывал Хибинские тундры.

Увлечение литературой. Вступление в пионеры

Еще в школе я уже начал баловаться литературой. Ну, волей-неволей будешь баловаться — заставляют писать сочинения и так далее. Но я осваивал стихосложение, и, должен сказать, что стихосложение я освоил неплохо. Я хорошо знакомился с техникой не только ямба, хорей и анапеста, дактиля и прочего...

Н.Ф.: (обращается к заглянувшему мальчику) Витя, заходи. Если ты уже сделал уроки, то заходи.

Витя: Я не знаю. Мама, когда придет, проверит.

Н.Ф.: Проверит? А где мама?

Витя: Куда-то пошла на улицу.

Н.Ф.: Ну, садись, посиди здесь. Садись сюда к дедушке поближе. *(Обращаясь к Игорю Николаевичу)* Вы знали это все не понаслышке, но видели сами.

И.В.: Да, так получилось! Мы проходили, у нас была такая практика по политехнизации, мы проходили в ГИПХе...

Н.Ф.: А потом съездили еще туда.

И.В.: ...так что мы видели все эти полузаводские установки; вращающаяся печь была в ГИПХе установлена на этой установке, так что все это было знакомо хорошо. Но я больше интересовался литературой, стихи я стал писать. Ну и так, получил некую известность в школах, потому что стихи писал по всем правилам. Для этого мне пришлось и в энциклопедии лазить, чтобы знать, что и как, и изучать и Бальмонта, и Брюсова, и так далее, и Маяковского, и Есенина.

Н.Ф.: А вы мне говорили, что вы были пионером.

И.В.: Был пионером, конечно, да.

Н.Ф.: Но это не весь класс был пионеры?

И.В.: Не весь был пионерами. Но одним из самых активных пионеров был Павлик Кирьянов; он еще, помню, в третьем классе носил красный галстук и демонстрировал то, что он действительно активный и сознательный пионер. Ну и я, немножко погодя, по-моему, в четвертом классе, кажется, но все-таки вступил в пионеры. Кстати, вступил в «Общество воинствующих безбожников» и даже принимал активное участие в антирелигиозной деятельности. Тогда фабрика «Светоч» тоже была шефом нашей школы, и на Пасху в обеденный перерыв мы вели антирелигиозную пропаганду: приходили в цех, становились на табурет или на стул какой-то (нам поставили), собирали там рабочих (сгоняли их, так сказать на эту лекцию), и я, вычитав (там специальная брошюра была) по поводу истории Пасхи и ее положительных и отрицательных особенностей, рассказывал все своим ученым языком так же, как в слободе [Большая] Халань я помогал коллективизации в 29-м году, а это уже был, по-моему, 30-й или 31-й год, может быть, когда я антирелигиозную пропаганду проводил. Видимо, я лекцию эту читал достаточно складно, но работницы, которые слушали меня, окружив и раскрыв рот, резюмировали примерно так мою лекцию, после моей лекции сказали: «Господи, и чему только вас, бедных, учат теперь!» *(Смеется.)* Вот это я запомнил. Но я решил, что моя лекция все-таки была вполне...

Н.Ф.: На уровне.

И.В.: На уровне, да.

Н.Ф.: А какое соотношение у вас было пионеров и не пионеров в классе?

И.В.: Сейчас я боюсь точно сказать... Ну, половина примерно была, конечно.

Н.Ф.: А какие-нибудь трения были между той и другой?..

И.В.: Нет-нет, никаких трений не было. Были пионеры, а были не пионеры.

Н.Ф.: То есть никаких трений, никто вас в пример тем не ставил, те не обижались на это или как?

И.В.: Ну, в пример... Как сказать? Когда меня как отличника все-таки [отправили в] путешествие на Беломорканал, [которое] организовано было газетой «Ленинские искры», то...

Н.Ф.: Но это не потому, что вы пионер, а потому, что вы хорошо учились.

И.В.: Потому что я пионер, и потому что я хорошо учился.

Н.Ф.: То есть и то, и другое повлияло, понятно.

И.В.: Газета-то пионерская была.

Н.Ф.: Понятно, понятно. То есть если бы вы не были пионером, то вы бы не поехали в эту поездку?

И.В.: Чего не знаю, того не знаю. Что было бы, если бы... Сослагательное наклонение в биографиях очень, так сказать, опасно.

Н.Ф.: Как и в истории. Понятно.

И.В.: Как и в истории, да. Я «Пионерскую правду» выписываю для подрастающего поколения, но наш Витя почему-то ее не читает, по-моему.

Н.Ф.: Ну, она, может быть, не очень интересная теперь...

Витя: Газета интересная, я два раза читал.

Н.Ф.: Да? Тебе понравилось?

И.В.: Два раза читал? Это уже хорошо.

Витя: Да, там такие сказки дети делают.

Н.Ф.: Дети сами пишут? Ты тоже напиши туда сказку, ее опубликуют, ты прославишься.

Витя: А у меня моя картина будет в газете скоро, которую я нарисовал с мамой.

Н.Ф.: Да? Очень здорово. Да, но сейчас вот дедушка расскажет дальше. Если вы не устали.

И.В.: У меня была попытка написать и послать стихи в газету «Ленинские искры», эту самую. Был какой-то юбилей Менделеева, и я посвященное Менделееву написал стихотворение. Я прочитал какую-то книжку, где его биография излагалась, как он был директором Пробирной палаты (по-моему, так она называлась), как он там специально устраивал... захламлял коридоры в этой Пробирной палате, когда великий князь какой-то ее посещал, для того чтобы выбить средства для деятельности этой Пробирной палаты. И у меня какие-то такие строчки были, типа:

Сквозь преграды лихих бюрократов,

Пробивая дорогу себе,

Ты был пламенным верным солдатом

В мировой человеческой борьбе.

Вот так, в стиле Маяковского, пожалуй...

Н.Ф.: Да, очень здорово для маленького мальчика.

И.В.: Да. На что получил рецензию из газеты «Ленинские искры», она где-то у меня сохранилась до сих пор. Там написано именно так: «Ваши стихи не подходят для нашей газеты, они слишком взрослые. Кроме того, по содержанию они не годятся — во времена Менделеева никаких бюрократов не было, они появились только при Советской власти». (Смеется.)

Н.Ф.: (тоже смеясь) Смелый ответ!

И.В.: Вот, в таком духе получил отрицательную рецензию, и стихи мои так и не опубликовали.

Н.Ф.: Жалко...

И.В.: Ничего, нет.

Н.Ф.: Не жалко?

И.В.: Не жалко. У меня целый ворох таких стихов к праздникам. Там, к годовщине Октябрьской революции, к 1 мая писал, и меня даже выпускали с чтением стихов, как правило, во время праздника.

Н.Ф.: (Вите) Подожди, подожди, там стоит камера. Тогда иди на кухню, если тебе надоело.

Витя: А мамы еще полчаса не будет.

Н.Ф.: Ну, тогда подожди на кухне. Хорошо? А туда ходить нельзя. (Обращается к Влодавцу.) Да-да?

И.В.: Но в школе... кто же он был? Он был, по-моему, библиотекарь. Решетников, кажется, его фамилия была. Он уже в седьмом классе организовал что-то вроде литературной группы, где занимался с ребятами, и мне это очень сильно помогало. Сам для себя-то я понял так, что техникой стихосложения я овладел, но что писать, и как, и куда писать, и вообще, кому это все нужно, я так до сих пор и не понял. Подражать Есенину или Маяковскому формально я мог, я знал все, так сказать, варианты стихосложения хорошо, но поэта из меня так и не вышло, конечно, хотя тяга к литературе осталась. Я неплохо писал сочинения и прозаические, получал пятерки, конечно, и привык к этому. Ну, в 34-м году получилось так, что все это довольно налаженное мое образование и воспитание прекратилось, потому что мы вынуждены были переселиться в Москву. Академия наук переселялась в Москву, академик Ферсман переезжал туда и все свое хозяйство и всех своих сотрудников старался взять с собой. В декабре 34-го года мы уехали. 1 декабря, по-моему, был убит Киров.

Переезд в Москву

Н.Ф.: 34-го.

И.В.: 34-го года. Я, помню, тогда тоже отозвался на это печальное событие стихотворением, пытался его отнести в редакцию газеты, по-моему, на этот раз уже не в «Ленинские искры»... а может, и в «Ленинские искры»... а может, даже в «Ленинградскую правду». Но когда я пришел туда, притащил свои стихи, в редакции все были в каком-то напряженном, взволнованном состоянии: ну, известно, что после убийства Кирова в ленинградских партийных организациях было нечто очень, так сказать, серьезное, и им не до того, чтобы стихи...

Н.Ф.: Не до стихов.

И.В.: Не до стихов совсем. А тринадцатого числа, тринадцатого декабря мы, значит, уже сели на поезд и поехали в Москву. Какие-то там строчки я при этом тоже набросал:

Здесь текли года рекою,

Не воротишь их назад...

Попрощаемся с тобою,

Мой любимый Ленинград!

Вот что-то такое, в этом роде...

Н.Ф.: Здорово! Замечательно!

И.В.: Нет. Ну, я же говорю, что я стихосложение освоил по всем правилам. Переселились мы в Москву. Мать вернулась к работе в школе. Если в Ленинграде она занималась рабфаками и ФЗУ, главным образом административная деятельность была, в Москве она в РайОНО — отдел народного образования. В Москве квартирный вопрос, как известно, всегда был очень серьезным. Где разместить эту кучу сотрудников Академии наук, было неясно, поэтому на все наркоматы (тогда наркоматы были) было наложено что-то вроде специального налога, то есть каждый из них должен был выделить некоторое число квартир из числа тех, которые вроде намечалось строить для сотрудников данного наркомата, выделить в распоряжение Академии наук. И нам на Первой Мещанской был выделен дом Наркоматом морского флота, которым, кажется, в то время [руководил] Ширшов, по-моему, чуть ли ни министром морского флота [был]. Ширшов — участник папанинской экспедиции, а мой дядя, Владимир Иванович, он получил орден Трудового Красного Знамени за участие в походе Сибирякова. Его жена (она считалась моей тетей), Нина Николаевна Собрва, она работала в Ленинграде в Арктическом институте, который был хорошо известен. <...> Она тоже была химик, я и ее лабораторию посещал в Ленинграде.

В доме, который выделили для нас, точнее, это был дом Наркомата морского флота, на углу Капельского переулка и Первой Мещанской, нынешнего Проспекта Мира, там выделен был ряд квартир для сотрудников Академии наук. Большинство были знакомы друг с другом и раньше, а кто не был, то познакомились. Над булочной, которая на самом углу находилась там, в квартире чуть ли не номер 1, поселилась Ксения Михайловна Горбунова — аспирантка академика Кистяковского, лаборатория которого при переселении в Москву была реформирована из лаборатории в Институт физической химии; в Ленинграде она называлась лаборатория физической химии. Здесь она соединилась с какими-то московскими лабораториями, ну вот, Фрумкин работал, была его лаборатория, я не помню, как она называлась, но она была присоединена.

Н.Ф.: А как вы считаете, это полезно было для Академии, для науки то, что Академия переехала в Москву?

И.В.: По-видимому, считалось, что полезно. Об этом спорили в 33 — 34-м году сотрудники самой Академии, до потери сознания были споры.

” Многие говорили, что это очередная выдумка большевиков, которые хотят, чтобы Академия наук занималась главным образом прикладными задачами, поэтому была под боком у правительства, чтобы можно было тут же вызывать на ковер и давать взбучку. А другие считали, что очень хорошо, что будет правительство рядом, оно будет в курсе всех наших трудностей, всех наших недочетов, и легче будет выбивать финансирование, что очень существенно.

Н.Ф.: А ваш отец какого придерживался взгляда?

И.В.: Мой отец никакого взгляда не придерживался, по-моему. Я не знаю, какого он придерживался, он считал, что раз Ферсман считает, что нужно ехать туда, значит, нужно.

Н.Ф.: А откуда вы знаете об этих спорах? Они обсуждали дома?

И.В.: Часто обсуждались и у нас дома тоже, конечно. А ко мне было повышенное внимание в школе. Я пришел в декабре в восьмой класс. Помню, первым делом со мной преподаватель литературы, Николай Иванович Александров, знакомился: он на большую перемену прогуливался со мной по залу и задавал разные вопросы: «А что вы проходили? А что вы по этому поводу думаете?» У меня тогда трудности возникли с Мольером. Дело в том, что в программе для восьмого класса тогда было по литературе знакомство с Жаном-Батистом Мольером — «Мещанин во дворянстве». Но мне этого «Мещанина во дворянстве» в Ленинграде-то с трудом удалось найти в Ленинградском доме ученых, у отца. Так получилось, кстати сказать, что Транцеевы, семейство (Транцеев был директором Гранильной фабрики), они тоже из Петергофа переехали, потому что его назначили директором Ломоносовского фарфорового завода, хотя он сам, по-моему, не в Ленинграде находится, завод, но квартиру-то он получил в Ленинграде, и квартиру на улице Халтурина — практически, это было одно из зданий Эрмитажа. Да, кстати, самая первая девочка, с которой познакомился, это была дочка Сергея Александровича (правильно: Александра Сергеевича — *И.Н. Влодавец*) Транцеева, Лялька Транцеева, или Галина Сергеевна Транцеева. Она родилась, по-моему, в 21-м году, и в 23-м году отмечала день рождения... может быть, даже в 22-м. В общем, меня пригласили на день рождения этой девочки в гости. Она тоже жила на той же Опричной Канавке в отдельном доме, семья Транцеевых, мать у нее тоже полька была, кстати, что моей бабушке очень импонировало, и она сразу начала убеждать меня, что вот для тебя невеста.

Н.Ф.: Бабушка?

И.В.: Бабушка. Явно готовила меня. Ну, во-первых, она пыталась пробудить во мне интерес к архитектуре. У меня любимая игрушка была — это набор кирпичиков. Кирпичные детали архитектурные, из которых можно было собирать разные сооружения, здания.

” Я сидел себе спокойно на полу, вот как Витя, и из этих самых кирпичиков собирал разные здания, а бабушка радовалась и всем говорила, что вот наш Гарик (меня Гариком дома звали) обязательно будет архитектором.

А узнав, что будет отмечаться день рождения, не помню, но, по-видимому, первый же день рождения — год этой самой Ляльке Транцеевой исполнился, и меня вроде как пригласили в гости. Бабушка долго готовилась к этому событию: она меня обучала, как правильно держать вилку, и нож, и ложку, как нужно, используя ложку для того, чтобы съесть тарелку супа, потом нужно не просто класть ее на стол, а на специальную подставочку такую, и вообще хорошим манерам обучала. Когда меня привели в гости, познакомили с этой Лялькой, Лялька была маленькой девочкой, она себе сидела на коврик; мне бабушка просуфлировала: «Подойди, поздравь ее, обними и поцелуй». Для меня это дело было непривычным.

” Девочку я кое-как поднял с этого коврика, она стояла на неокрепших ножках, но когда я стал ее обнимать и целовать, то она не выдержала натиска и хлопнулась, и заревела. Чтобы выразить свою солидарность, я тоже упал на пол и тоже начал вопить что-то такое.

Так что этим мое первое знакомство с девочкой и закончилось. Дальше был фуршет — не фуршет, но нас угощали чем-то, что в 22-м году еще в Петергофе было привлекательным, несомненно. Когда я съел тарелку каши и вспомнил, что ложку нужно класть не на стол, прямо на скатерть, а на подставку, я стал искать подставку и громко спросил: «А где же подставка?»

Н.Ф.: А подставки не было.

И.В.: А подставки не было, что привело в страшное смущение хозяйку, Елену Иосифовну Транцееву,

она солидная дама была, и она аж покраснела от такой неловкости. *(Смеется)*. Я ее смутил. Этим мой первый визит закончился.

Н.Ф.: А вы это помните по рассказам?

И.В.: Нет, я помню просто, это я помню просто хорошо.

Н.Ф.: Но мы уже вернулись в Ленинград из Москвы.

Выпуск 273 школы 1937 год. Третий ряд, пятый слева - Игорь Володавец

И.В.: Так вот, Транцеевы-то потом в Ленинграде жили уже в самом Эрмитаже, так сказать. Елена Иосифовна, по-моему, она сделалась чуть ли не экскурсоводом в Эрмитаже, и квартира у них находилась в самом здании Эрмитажа. Мы, по старой памяти, иногда заходили в гости, день рождения отмечали той же Ляльки Транцеевой, а рядом находился и Ленинградский дом ученых, и в библиотеке Дома ученых Жана-Батиста Мольера «Мещанин во дворянстве» отыскивали, но брать с собой нельзя было в Москву, и поэтому мне толком как следует прочитать не удалось. Тут у меня было слабое место, о чем я честно сознался Николаю Ивановичу Александрову, преподавателю литературы и русского языка, московскому, который очень огорчился этому. Я уж не помню, где-то все-таки мои родители нашли этого «Мещанина во дворянстве», я приналег на него, и с литературой и русским языком у меня вроде как все благополучно было.

С физикой тоже благополучно. В Ленинграде, кстати, у меня был замечательный учитель — Сергей Сергеевич Машков, он молодой интересный мужчина был, с явными задатками актера, и он нам

блестящие лекции читал для восьмиклассников, семиклассников по физике, так что физику у нас все любили, особенно девочки. Я тоже любил физику, я читал «Занимательную физику» Перельмана, читал «Успехи современной физики» Хвольсона и тем был на хорошем счету у Сергея Сергеевича; в свою очередь я лучшего педагога, чем он, просто не встречал, замечательный был педагог. В Москве тоже хороший педагог, он был директор школы, Топтыков... Как же его звали, не помню уже... Ну, во всяком случае, хороший физик. Неплохо было и с математикой. Так что у меня быстро наладились хорошие отношения с педагогами, и окончил школу московскую 273-ю школу я с круглыми пятерками, что дало возможность мне поступить без экзаменов в университет.

Н.Ф.: А тогда не было ограничений для лиц непролетарского происхождения?

И.В.: Они примерно к этому времени все были ликвидированы. В ленинградский период, по-моему, почти все время было.

Окончание школы. Выбор профессии

Н.Ф.: Вы поступили, значит, это был 36-й год, наверное, да?

И.В.: Поступил я? Нет, 37-й год, в 37-й знаменитый год, которому посвятил Фейхтвангер отдельное свое сочинение. Есть такое сочинение Лиона Фейхтвангера под названием «1937 год», где он о своих встречах со Сталиным рассказывает и вообще о событиях в России, причем он старается так как-то... ну, можно сказать, реабилитировать.

Н.Ф.: Ну да, он старается в глазах западного общественного мнения как-то... Тогда он, конечно, не знал всего. Да, интересно. А у вас был выбор, куда поступать?

И.В.: Естественно.

Н.Ф.: То есть вы сомневались, или же это было решено для вас?

И.В.: Для меня было решено еще в Ленинграде, еще в Ленинграде отец мне показывал здание Двенадцати коллегий, где размещался Ленинградский университет, и говорил: «Наверное, тебе лучше всего поступать»... Да, как я стал химиком!

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Как я стал химиком? Когда я научился читать, я увлекся почему-то астрономией — ну, популярные книжки по астрономии попались, научно-фантастическая литература — «Первые люди на Луне», разные космические путешествия; у меня до сих пор сохранились эти книжки по астрономии, популярные, конечно, книжки, на которых написано, что «Из книг Гарика Влодавца, 1926 год». Мне шесть лет было, но я это все читал. В нашей квартире жил одно время, а потом часто заходил Николай Васильевич Белов, которого папа, можно сказать, пригласил к академику Ферсману и который впоследствии сам стал академиком, а тогда он был главным химиком Ленкожтреста. Вот он как-то, будучи у нас на квартире, спросил: «Ну а ты, Гарик, кем собираешься быть?». Я гордо сказал: «Конечно, астрономом!». Он призадумался, наморщился, сказал: «Знаешь, ты подумай, я тебе не советую быть астрономом, это только так внешне кажется, что это до чего здорово — сидеть возле телескопа и наблюдать далекие миры... На самом деле телескопы стоят в сильно проветриваемых помещениях, под куполом, и они никогда не отапливаются, и зимой там сидеть приходится в шубах, чтобы не замерзнуть, и все равно мерзнут. И нужно проводить длительные, утомительные наблюдения в течение нескольких лет, точно определять координаты того или иного астрономического объекта, ну и потратить нужно несколько лет и потом массу сложных вычислений проводить только для того, чтобы определить, скажем, годичный параллакс альфы Центавра. А этот параллакс составляет всего несколько угловых секунд, может быть, и точно определить его — это очень сложная и тяжелая задача. И таким образом установить в результате вычислений, что эта самая звезда альфа Центавра — самая близкая из всех звезд к нашей Галактике — находится на расстоянии всего в четыре световых года. Но что такое световой год? Это расстояние,

которое проходит свет за год, а свет проходит 300 000 километров в секунду! Вот сколько он за год пройдет, можешь посчитать. Это ближайшая звезда! А есть звезды и более отдаленные, до которых расстояние измеряется миллиардами световых лет, и их тоже надо сидеть и изучать... Это скучное занятие! Нет, я не советую тебе идти в астрономы. Из астрономии сапог не сошьешь!» Но я был вроде как несколько обижен и решил уколоть Николая Васильевича, зная, что он химик, я сказал: «А из химии разве можно сшить сапоги?!» Ну, он как главный химик Кожтреста сказал тут же: «Могу тебя заверить, что без химии никаких сапог ни сшить, ни сделать невозможно. Если бы химии не было и химиков, то мы бы ходили босиком все». Это меня как-то удивило. Я попросил, чтобы меня познакомили с какими-то достижениями химии. Николай Васильевич, очевидно, доложил об этой беседе моему папе, и папа решил, что меня пора знакомить с химией.

Н.Ф.: Это сколько вам было лет?

И.В.: Мне, наверное, было уже лет девять или десять, это был третий—четвертый классы, вот так примерно, химии мы еще не проходили. Но с тех пор я начал интересоваться химией.

Отец приносил... Первое, что он принес, мне помнится: это он взял раствор танина, приготовил, и раствор сернокислого железа — оба прозрачные разбавленные растворы. На моих глазах он сливал два стаканчика химических, сливал два прозрачных раствора — на первый глаз и там, и там вода — и тут же получились темные чернила от смешения этих двух растворов. Это очень эффектно! Ну, я, конечно, обзавелся уже... дали мне книжку Рюмина «Занимательная химия», где описывалась также масса всяких опытов, в том числе и некоторые, по-моему, очень огнеопасные. Я старался то, что можно, и то, что удавалось достичь, а отец, конечно, мог практически любыми реактивами свободно располагать, меня знакомил со всем этим, поэтому я очень увлекался.

Антирелигиозная пропаганда обычно заключалась в том, что эти просветители, которые проводили антирелигиозную пропаганду, они ставили разные, так сказать, фокусы, которые якобы можно было расценивать как чудеса, но которые можно было объяснить очень просто как химические реакции. Особенно помог в этом мамин коллега — Петр Евгеньевич Лонткевич, который занимался тоже преподаванием химии, по-моему, на военных курсах. Он все еще издевался над своими курсантами и возмущался:

” «Я, — говорит, — спрашиваю его: чем наполняют дирижабли?
И получаю классический ответ: ипритом».

Н.Ф.: (смеясь) почему ипритом?

И.В.: Якобы так, хотя надо было, конечно, отвечать, что наполняют водородом или гелием. Петр Евгеньевич тоже знал массу всяких эффектных опытов и со мной делился. Ну, например, он какие-то свечи, которые горели под водой — там что-то с бертолетовой солью, какая-то смесь была, их зажигали на воздухе, но когда опускали в воду, то они там продолжали гореть. Он приносил и дарил мне кусочки металлического калия. Они в керосине, по-моему, плавали... Ну, не плавали, конечно, а тонули, но нужно было отщипнуть пинцетом небольшой кусочек калия и если бросить его в стакан или в миску с водой, то кусочек калия быстро раскалялся и расплавлялся, раскалялся добела, и такая расплавленная капля жидкая бегала по поверхности воды. При этом водород выделялся, естественно, и тут же сгорал. Еще там были опыты уж совсем... Таблетки приносил из роданистой ртути, роданистая соль, $\text{Hg}(\text{SCN})_2$, по-моему так вот — формула. Эти роданистые таблетки при поджигании начинали... превращаться в «змею»: увеличивались в объеме, и «змея» спиралями ползала.

Он хорошо изучил технику таких эффектных экспериментов, и я сам пользовался ею и своим сверстникам демонстрировал. Однажды, правда, это кончилось... Да, меня отец старался приучить оперировать с разной химической посудой, химической аппаратурой простейшей. У нас не было газа в доме, но он принес горелку под названием «чижик», ее почему-то называли «чижином», это бензиновый бачок

был и трубка, и там горелка помещалась. Горелка эта, в общем и целом, заменяла обычную химическую газовую горелку. Были у меня треножники, на которые можно было ставить фарфоровые чашки, и на них можно было выпаривать растворы или там кипятить стаканы, подставляя асбестовые подкладки. И вот однажды на «чижике» у меня что-то там выпаривалось в чашке, что-то там зашипело, я этот «чижик» отставил от треножника, на котором была чашка, и так неудачно в это время тюлевая занавеска, которая прикрывала окно вот так вот, она порывом ветра или еще по каким-то причинам, не знаю, загорелась и вспыхнула, и целиком сгорела. Я ее пытался сорвать, но ничего у меня не получалось, и занавеска эта полностью сгорела, слава богу, этим все дело и кончилось. Напротив нашего дома (окна наши теперь выходили на Колпинскую улицу, мы переселились из 24-й квартиры в 32-ю — квартира была пониже, поменьше и она находилась уже на пятом этаже, а не на шестом, и была потеплее поэтому) жила Люба Лаврентьева, ученица из нашего класса, она видела, как у нас пылала занавеска (мы иногда переглядывались через улицу, можно было глядеть).

Так что я еще в Ленинграде заинтересовался химией. Когда приехал в Москву, то тут стали всякие легенды распускать — вот появился новый ученик Влодавец, он, наверное, сын академика, хотя я был просто сын рядового старшего научного сотрудника, и мой отец имел ученую степень кандидата геолого-минералогических наук, ничего больше не стал защищать. И я по его стопам пошел, хотя вначале про себя думал, дескать, как же так можно, наверное, нужно стать доктором хотя бы.

Преподавательница химии, она меня быстро проэкзаменовала, убедилась, что я действительно с химией знаком. А ученики восьмого уже класса стали интересоваться мною. Но тут опять возникли девочки: я опять заинтересовался девочкой, которая сидела на первой парте перед учителем. (*Смеется.*)

Общество эфиопов

Н.Ф.: Наверное, вам нравились отличницы... На первой парте сидят обычно либо отличницы, либо двоечницы.

И.В.: Да. Но все-таки мне, слава богу, отличницы попадались. И эта Зоя Тимофеева, она тоже была отличница. Но это был восьмой класс. Преподавателей интересовали, между прочим, и вопросы полового воспитания, и их нужно было как-то решать на основе, главным образом, инициативы самих учащихся. У меня появились приятели: вот, Петя Полянский, который сделал отличный доклад на щекотливую тему о размножении, где он подробно рассказывал о размножении у людей уже. А потом меня посадили на парту рядом с другим, по-видимому, предыдущим новичком, Вовой Брандтом. Вова Брандт (на самом деле он Всеволод Аркадьевич... Всеволод Адольфович Брандт), его отец был австрийский... наверное, пленный, а может эмигрант, не знаю. В общем, он женился на русской. Он был мой ровесник, в 20-е годы родился, и жил он в доме для иностранных специалистов, который находился где-то в районе Садово-Сухаревской. Мама у него русская была естественно. Отца я так и не видел. Отчество «Адольфович» звучало в те годы очень неприлично, поэтому наш Вова его как-то потихоньку поменял на «Аркадьевич», что уже было более безопасно. Мы с ним оказались на одной парте, а он, видимо, читал повесть Льва Кассиля «Швамбрания», герои которой, между прочим, занимались тем, что поделили класс на разные фантастические государства, в частности, Швамбрания — название одного из этих государств. Вовке это понравилось, и он решил наш класс тоже поделить на разные государства. Это был 1935 год, может быть, уже и 36-й. Тогда среди политических событий во внешнем мире была Итало-Абиссинская война, где мы, конечно, все воспитывались в уважении к абиссинцам и в презрении к итальянским фашистам. Поэтому первое государство, которое на карте нашего класса появилось, это была Эфиопия, в которую вошел я, Вовка Брандт и еще новичок прибыл, уже после меня, Женя Конев, который был старше нас по возрасту и который прибыл к нам из Загорской школы. Он учился в Загорске, где, как известно, центр духовного воспитания и обучения. (*Смеется.*) Оказалось, между прочим, что наш Николай Иванович Александров, преподаватель литературы, тоже был когда-то в Загорске священником, но оттуда переселился в Москву и постарался забыть о своем духовном звании. Но Женя Конев был с ним знаком, и как-то они всегда разговаривали как два взрослых соседа по Загорску. Вот, Женя Конев. Мы втроем —

это была Эфиопия.

В это время уже мы были пионерами, естественно, причем в Москве они были поголовно почти все. Шефом нашей школы был Наркомзем, мы ходили туда сдавать нормы по стрельбе.

” На самой крыше Наркомзема (там плоская крыша была) был устроен тир, и можно было стрелять из мелкокалиберной винтовки и сдавать нормы на значок ГТО и «Ворошиловский стрелок» и так далее.

И мы посещали этот Наркомзем. Но тут нами стала интересоваться и комсомольская организация, все-таки четырнадцать — пятнадцать лет — это возраст, когда уже можно принимать в комсомол, и такой набор проходил. Я тут же заметил, что Шура Верховский, он был первым комсоргом нашего класса... у нас с ним были вроде неплохие отношения, но я тут же заметил, что он тоже равнодушен к той же девочке на первой парте, которая сидела в этом восьмом классе, Зоя Тимофеева. Зоя Тимофеева была русская, Шура Верховский был еврей, но мы тогда были интернационалисты, и нас это не смущало, конечно, особенно. Через некоторое время Шура Верховский, который был комсоргом, ему по комсомольской линии какие-то были неприятности, его спрашивали: «Что это в вашем классе вдруг начинаются какие-то организации образовываться? Какие-то эфиопы появились! Что это еще за эфиопы?». Ну, эфиопы появились... Вова Брандт решил аналог Швамбрании организовать. (*Смеется.*) Ничем, кроме названия, мы не блистали, но решили, что раз это государство, Эфиопия, то нужны какие-то признаки государственности — ну, должен быть гимн, например. Гимн Эфиопии пришлось мне сочинять. Я не помню точно все, но там было что-то такое:

Эфиопская честь,

Как алмаз, дорога,

Эфиопская месть

Настигает врага,

Эфиопское сердце

Пылает огнем,

Эфиопские знаки

Сверкают на нем!

Тут еще потому, что мне дядя Володя и папа объяснили, что в свое время была какая-то пародийная пьеса в Петербурге, поставленная кем-то, уж я не помню, «Вампука», сюжет которой заключался в том, что индийская девушка Вампука, ее кто-то похитил. И вот там отряд индейцев, они на сцену выходят с копьями, луками и тоже поют что-то такое: «Бежим, спешим искать Вампуку!», причем кричат: «Бежим, спешим искать Вампуку!» — и никто с места не двигается. А потом там появляется «конкурирующая фирма» — тоже отряд эфиопов, которые декламируют что-то вроде того:

Мы все, мы все, все мы — эфиопы,

Враги, враги, враги мы всей Европы!

Мы в А-, мы в А-, мы в Африку пойдем,

Вампу-, Вампу-, Вампуку мы найдем!

Это я по памяти так, может быть, не совсем точно. Была, в общем, такая «Вампука», где фигурировали эфиопы. И вот тут очень кстати мы объявили себя государством Эфиопией, сочинили гимн эфиопов.

Н.Ф.: И чем же кончилась история с эфиопами?

И.В.: А кончилась тем, что комсомольские власти какие-то всполошились!

Н.Ф.: И пришлось с Эфиопией прекратить. Но никаких репрессий не последовало?

И.В.: Нет, репрессий, слава богу, не последовало, но это было на полном серьезе! Бедного Шуру Верховского потребовали в райком комсомола, разобраться надо, что такое за организация — это 1936 год был, не забывайте!

Н.Ф.: Еще бы! Конечно!

И.В.: Уже тогда процесс зиновьевцев был, и на очереди был 37-й год на носу.

Н.Ф.: Так что была довольно опасная игра.

И.В.: Очень опасная была игра! Мы по глупости, по молодости этого не сознавали. Для нас была игра и игра, очень хорошо. Там у нас на карте появлялись разные государства, Вовка изобретал. Например, было там «Сестры-славяне» или кто-то еще, он сам придумывал им названия. Но кончилось это дело тем, что для расследования всех этих «подпольных организаций», которые созданы в этом восьмом классе 273-й школы, из ЦК ВЛКСМ был член ЦК...

Н.Ф.: Направлен к вам?

И.В.: ...направлен к нам. Господи, как же ее звали... Вылетело из головы!

Н.Ф.: Ну если вы вспомните, то мне в следующий раз расскажете. Сейчас уже десять часов. Я обещал Маргарите, что закончу в десять, так что, давайте, мы на этой фразе, что к вам прислали деятеля из ЦК, мы закончим сегодня. А потом вы вспомните и продолжите с этого момента.

И.В.: Хорошо.

Н.Ф.: Хорошо? Ну, вот, замечательно.